



Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 6, pp. 1303–1312, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>



УДК / UDC 811.512.37

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1303-1312

Графо-фонетические особенности имени Аюки-хана (на материале калмыцких деловых писем XVII–XVIII вв.)

Дарья Бадмаевна Гедеева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-8735-9184. E-mail: dgedeeva@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Гедеева Д. Б., 2021

Аннотация. *Введение.* Данная статья посвящена графо-фонетическим особенностям и происхождению имени известного калмыцкого хана Аюки (1642–1724 гг.). Архивные документы, в частности многочисленные деловые письма на калмыцком языке, свидетельствуют о том, что в XVII–XVIII вв. у калмыков, проживавших на территории России, были популярны личные имена санскритского и тибетского происхождения. Вместе с буддизмом, пришедшим из Индии и Тибета, калмыками был воспринят в основном из письменных источников большой пласт антропонимов, связанных с именами божеств, сакральных символов, философских понятий, ритуальных предметов и т. д. Эти имена, отражающие духовные и ценностные запросы народа, активно используются калмыками и в настоящее время. Антропонимия письменного калмыцкого языка XVII–XVIII вв. остается неизученной областью калмыцкой лексикологии. В этой связи исследование даже одного заимствованного антропонима, на наш взгляд, является весьма актуальным. *Целью* данной статьи является графо-фонетический анализ имени калмыцкого хана Аюки и определение его происхождения. *Материалом* исследования послужили деловые письма хана, направленные представителям российской власти и самому царю и императору Петру I в период 1685 по 1724 г. Материалы взяты из фондов Российского государственного архива древних актов (г. Москва) и Национального архива Республики Калмыкия (г. Элиста). *Выводы.* Исследование имени хана показало, что оно имеет санскритское происхождение и в документах писалось в виде транслитерации буквами алфавита Али-гали, а произносилось в калмыцкой среде в тибетском его варианте.

Ключевые слова: Аюка хан, эпистолярные документы, калмыцкое письмо, санскрит, тибетское письмо, алфавит Али-гали, висарга, диакритический знак

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Гедеева Д. Б. Графо-фонетические особенности имени Аюки-хана (на материале калмыцких деловых писем XVII–XVIII вв.) // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 6. С. 1303–1312. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1303-1312

Graphophonic Features of Khan Ayuka's Name: A Case Study of 17th–18th Century Kalmyk Official Letters

Daria B. Gedeeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate
 0000-0002-8735-9184. E-mail: dgedeeva@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Gedeeva D. B., 2021

Abstract. *Introduction.* This article discusses the graphemic and phonemic features, as well as the origin of the name of the famous Kalmyk Ayuka Khan (1642–1724). Archival documents, namely, numerous official letters in the Kalmyk language indicate that in the 17th–18th centuries personal names of Sanskrit and Tibetan origin were popular among the Kalmyks of Russia. A large layer of anthroponyms associated with the names of deities, sacred symbols, philosophical concepts, ritual objects, etc. were borrowed by them via Sanskrit and Tibetan written sources, with the spread among them of Buddhist teachings; and most of these items that belong to the spiritual sphere of the people are still in active use. While the anthroponymy of the written Kalmyk language of the period in question has been little discussed, the study of a particular borrowed anthroponym, in my opinion, is of much relevance. This article *aims* to analyze the name ‘Ayuka’ in terms of its graphemic and phonemic composition, as well as its origin. *The study's database* comprises Ayuka Khan's official letters sent to Peter I, as well as to the officials of the Russian government in the period between 1685 and 1724; the documents are part of the collections of the Russian State Archive of Ancient Acts (Moscow) and the National Archives of the Republic of Kalmykia (Elista). *Conclusions.* The study shows that the Khan's name is of Sanskrit origin; in the documents, it was transliterated using the symbols of the Galik script and was pronounced in the Kalmyk environment in its Tibetan version.

Keywords: Ayuka Khan, epistolary documents, Kalmyk script, Sanskrit script, Tibetan script, Galik script, visarga, diacritical mark

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Gedeeva D. B. Graphophonic Features of Khan Ayuka's Name: A Case Study of 17th–18th Century Kalmyk Official Letters. *Oriental Studies*. 2021; 14 (6): 1303–1312. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1303-1312



Введение

В российских архивах, в том числе и Национальном архиве Республики Калмыкия, хранится большое количество деловых документов на калмыцком языке, являющихся памятниками калмыцкой деловой письменности XVII–XIX вв.¹ В основном это эпи-

столярные тексты, написанные калмыцкими ханами, нойонами, зайсангами, судьями, на калмыцком языке национальным вертикальным письмом «тодо үзүг» («ясное письмо»), функционировавшим у волжских калмыков с 1648 г. по 1924 гг. Документы, адресантами которых являются представители калмыцкой знати, сохранились в российских архивах, поскольку были адресованы представителям российской администрации.

¹ Под калмыцкой деловой письменностью мы понимаем деловые документы, написанные

буддийскими священнослужителями. Деловые письма были направлены в свое время представителям российской власти в целях решения политических, военных, судебных и хозяйственных вопросов.

Особое место среди них занимают письма известного калмыцкого предводителя — Аюки-хана (1642–1724 гг.), вошедшего в историю как символ крепкой власти и военной славы калмыцкого народа в период Калмыцкого ханства (сер. XVII в. – 1771 г). О его государственной, военно-политической деятельности много написано учеными в рамках исследований истории кочевого народа на завоеванной ими европейской территории [Бакунин 1995; Митиров 1998; Батмаев 1993].

В 2018 г. вышла специальная монография, посвященная жизни и деятельности Аюки-хана. Автор В. Т. Тепкеев провел комплексное исследование исторического периода правления Аюки-хана, когда Калмыцкое ханство играло заметную роль в международных делах в Восточной Европе и Центральной Азии [Тепкеев 2018].

В письмах хана отражена историческая эпоха, когда Россия благодаря Петру I трансформировалась. Вместе с этим в эпистолярных документах имеются интересные сведения о жизни кочевых калмыков: их нравственных ценностях, культурных традициях, государственной политике, судебной практике, хозяйственном укладе.

Его письма интересны не только как исторические тексты, но и как лингвистические источники, зафиксировавшие грамматический строй калмыцкого языка того времени. Интересен также лексический состав, включающий в себя широкий круг топонимов, этнонимов, антропонимов, создающих ономастическое пространство в системе старописьменного калмыцкого языка.

О происхождении калмыцких имен

В данной статье мы обратились к одному из объектов исторической антропоники — имени хана Аюки по материалам его делового эпистолярия.

Антропонимия делового старописьменного калмыцкого языка указанного периода остается малоизученной областью исторической лексикологии. В данной области представлены только статьи Г. М. Ярмаркиной, в которой автор исследует калмыцкие имена в оригинальных письмах и их рус-

ских переводах 1714 г., и В. В. Батырова, где исследователь рассматривает антропонимы нойонов в XIX в. [Ярмаркина 2020; Батыров 2004].

По антропонимикону современного калмыцкого языка, основной пласт которого состоит из традиционных имен прошлых столетий, имеется ряд трудов калмыцких ученых. Основные исследования по систематизации антропонимического фонда, составлению словаря, толкованию значений имен принадлежат калмыцкому исследователю М. У. Монраеву [Монраев 2012; Монраев 1984].

К вопросам калмыцкой антропоники обращались также Р. Л. Сельвина, Э. У. Омакаева, Б. А. Шантаев и др. [Сельвина 1983; Омакаева 2008; Шантаев 2010]. Но в большинстве случаев исследователи писали о личных именах в связи с описанием родильного обряда и обряда имянаречения.

Поводом для написания данной статьи явилась ошибочная, на наш взгляд, трактовка значения имени Аюки-хана в научной литературе и средствах массовой информации¹ [Монраев 2012; Ярмаркина 2020].

Происхождение имени *Аюка* исследователь М. У. Монраев выводит из тюркского слова *аю* ‘медведь’ и калмыцкого уменьшительно-ласкательного суффикса *-ка*, что в переводе означает ‘медвежонок’ [Монраев 2012: 72, 233].

Исследователь Г. М. Ярмаркина делает вывод, что имя *Аюка* со значением ‘медвежонок’ омонимично имени *Аюка*, связанного с именем божества долголетия Амитаюса [Ярмаркина 2020: 500].

В средствах массовой информации, в частности в Википедии, на просторах интернета публикуются статьи, в которых утверждается, что имя хана — это санскритское имя божества долголетия Аюш (Амитаюс), а Аюка — «было ошибкой прочтения его имени с Тодо-бичиг»². Не соглашаясь с данными исследованиями, мы постарались провести графо-фонетический анализ ханского имени и показать его настоящее значение.

¹ К примеру, в Википедии статья о хане Аюке: см. Аюка [электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аюка> (дата обращения: 09.06.2021).

² См.: Аюка [электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аюка> (дата обращения: 09.06.2021).

Имя *Аюка* популярно у современных калмыков. Однако следует заметить, что функционирование этого имени в калмыцкой антропонимике наблюдается только в последние двадцать–тридцать лет. Это можно объяснить уходом старшего поколения, следившего за соблюдением народной традиции имянаречения, при которой детей не называли именами своих ханов, нойонов, зайсангов, священнослужителей — людей высокого ранга, поскольку существовало культурное табу на их имена. Табуирование имен исторических личностей можно заметить и по отсутствию калмыцких фамилий, образованных от имен ханов — *Аюка*, *Церен-Дондук*, *Дондук-Омбо*, *Дондук-Даши*.

Архивные документы, в частности договоры, реестры, дорожные грамоты, вольные грамоты, а также многочисленные эпистолярные документы на калмыцком языке свидетельствуют о том, что в XVII–XVIII вв. у калмыков, проживавших на территории России, были популярны имена санскритского и тибетского происхождения. Распространение буддизма среди калмыков оказало ощутимое влияние на их язык. Санскритские и тибетские слова входили в язык вместе с новой жизненной философией, названиями божеств, литературными и сказочными героями, ритуалами и обрядами, календарным летоисчислением и т. д. Они прочно вошли в активный фонд калмыцкого языка и уже несколько столетий функционируют в составе лексики, отражающей духовную и материальную культуру калмыцкого народа.

О функционировании санскритских и тибетских слов в современном и старописьменном калмыцком языке в свое время писали Ц.-Д. Номинханов, Э. Ч. Бардаев, В. О. Поляев [Номинханов 1967; Номинханов 1975; Бардаев 1983; Поляев 1980].

Особое место в заимствованной из этих языков лексике занимают антропонимы. Эта лексическая группа калмыцкого языка с принятием буддизма качественно изменилась. Если согласно народной традиции имя новорожденному давалось родителями или старшим и уважаемым в роду человеком по обстоятельствам и времени (*Нүүдл(э)* ‘кочевка’, *Хавр(а)* ‘весна’, *Намр(а)* ‘осень’) или обозначали род занятия (*Үкрч* ‘пастух’, *Хөөч* ‘чабан’), названия животных (*Ноха* ‘собака’, *Һаха* ‘свинья’, *Така* ‘курица’), чис-

ла (*Тавн* ‘пять’, *Йисн* ‘девять’), цвет (*Цаһан* ‘белый’, *Улан* ‘красный’), то с принятием буддизма имя чаще всего нарекалось священнослужителем в соответствии с буддийской астрологией. Давались имена высшего порядка — в честь божеств (*Санджи* ‘Будда’, *Аюш* ‘Амитаюс’), буддийского Учения (*Дарма* ‘Учение’), сакральных символов (*Дорджи*, *Баазр*, *Очр* ‘ваджра’, *Бадма* ‘лотос’, *Джунгру*, *Зунгру* ‘свастика’), названий планет (*Нима* ‘солнце’, *Дава* ‘луна’, *Мигмар* ‘Марс’) и т. д.

В текстах деловых писем имена отражены в двух вариантах: устным, как человека называли в жизни, и в виде транслитерации этого же имени с исконного языка буквами алфавита *Али-Гали*: *Дондук* и *Донгрупп*, *Чакдоржаб* и *Цагдор Сгйаб*, *Дондук-Даши* и *Донгрупп Раши*, *Дондук-Омбо* и *Донгрупп Дбампо*.

Алфавит Али-гали и имя Аюка в текстах деловой письменности XVII–XVIII вв.

Алфавит *Али-гали* использовался при переводе буддийских канонических текстов с санскрита и тибетского на монгольский язык, при решении вопросов транскрипции иноязычных слов. Задачу передачи иноязычных звуков в свое время решил известный переводчик Аюши-гуши, который создал соответствующие монгольские буквы с тибетским значением. Он составил транскрипционный алфавит *Али-Гали* или, по-другому, *галик* «в 1587 году на харачинской земле по побуждению и с помощью третьего далай-ламы, в связи с новым монгольским переводом, точнее переделкой “устаревшей” монгольской версии “Книги пяти покровителей”» [Кара 1972: 74]. Здесь имеется в виду перевод с тибетского языка санскритского сочинения «Панчаракша», выполненный известным переводчиком Шарав Сенге. Дьёрдь Кара пишет, что «сложная задача согласования не соответствующих друг другу фонетических и графических систем получила блестящее решение, можно сказать, на современном мировом уровне» [Кара 1972: 75].

Ойратский просветитель рабджамба Зая-пандита перевел на ойратский язык сочинение *olon nomiyin ündüsün üzügiiyin ilʔal orošiboi* («Разъяснения тантристских букв в многочисленных сочинениях»), посвященное алфавиту *Али-гали*, в колофоне кото-

рого он сообщает, что перевел по просьбе Аюши.

Об алфавите *Али-гали* или, как его часто называют, галик в современной научной литературе сказано немало. Так, о происхождении этого алфавита подробно написано венгерским ученым Дьёрдем Кара в его известном труде «Книги монгольских кочевников» [Кара 1972].

Использованию галиков в ойратском письме *тодо бичиг* посвящена специальная монография *todo galiq üsüq-ün sudulul* («Исследования букв „Тодо галик“») китайского ученого Т. Теребату, которая была издана в 2014 г. [Теребату 2014].

В 2018 г. в Улан-Баторе вышел «Тод үсгийн сурах бичиг» («Учебник Тодо үзүг») монгольского автора Ху. Бямбажав, в котором он наглядно представил таблицы с галиками [Бямбажав 2019].

В калмыцких изданиях, таких как учебник «Солынһы» («Радуга») Н. Содмона [Содмон 1999] и «Практический самоучитель старокалмыцкой письменности» А. В. Бадмаева, галики подробно не рассматриваются, но представлены некоторые его буквы [Бадмаев 1971].

В учебнике «Тодо бичиг» Д. А. Павлова, наиболее полном и объемном в плане грамматики и текстов для чтения, алфавит *Али-гали* не приводится [Павла 1979].

Таким образом, Зая-пандита использовал в переводах канонических текстов с санскрита и тибетского языка буквы алфавита Али-гали. Соответственно личные имена также писались галиками, в частности в имени хана Аюки *ā yuḥ še* в его эпистолярных текстах используются буквы этого алфавита.

Для фонетико-графического анализа ханского имени нами были рассмотрены

около 200 писем с 1685 по 1724 г. Почти все они начинаются с этикетной фразы, характерной для его писем: *bida ā yuḥ še xān ende bida bügüdēr mendü* «Мы, Аюка хан, здесь со всеми здоровы». В этих многочисленных письмах имя его писалось в нескольких вариантах: *ā yu še*, *ā you še*, *a yu še*, *ayou še*, *āḥ yu še*, *ā yuḥ še*, *a you še* (фото 1).

Это объясняется тем, что письма писались не самим Аюкой, а его писцами, причем не одним, а в разные периоды разными, что видно по почеркам писем. Вероятно, передача иноязычных звуков знаками галик была усвоена не всеми знатоками письменности того времени, поэтому наблюдался некоторый разнобой. Об этом пишет и Д. Кара: «... писцы были знакомы со «святыми» языками не всегда в достаточной мере, поэтому иноязычные слова и собственные имена появлялись в самых пестрых письменных вариантах» [Кара 1972: 75].

Для анализа графо-фонетических особенностей имени Аюка следует взять за образец вариант *ā yuḥ še*, используемый в колофоне вышеназванного сочинения Зая-пандиты, где указано имя заказчика перевода Аюши (фото 2).

Этот вариант имени наиболее верный, поскольку находится в тексте самого Зая-пандиты [Теребату 2014: 155]. Имя пишется, за редким исключением, в виде трех слогов. Гласная *ā* в начале слова долгая, имеет знак долготы. После второго отрывного слога *yu* пишется диакритический знак *visarga* в виде двух вертикальных кружков, передающий на письме придыхание в индийских системах языка. В санскритском и тибетском горизонтальных письмах знак пишется с правой стороны от буквы. В вертикальном письме *тодо бичиг* он пишется



Фото 1. Варианты написания имени Аюки-хана с использованием букв алфавита Али-гали

[Photo 1. Graphic variants of Khan Ayuka's name with Galik characters]

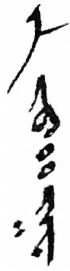


Фото 2. Написание имени Аюка в переводном сочинении Зая-пандиты «Разъяснение тантристских букв в многочисленных сочинениях». *Текст сочинения Зая-пандиты содержится в вышеуказанной

монографии Т. Теробату [Теробату 2014: 155]

[Photo 2. Graphic variant of Khan Ayuka's name in *The Explanation of Tantric Characters across Multiple Writings* translated by Ven. Zaya Pandita]

под буквой (фото 2). В некоторых письмах *visarga* находится под буквой *ā* (фото 1).

В книге «*todo galiq üsüq-ün sudulul*» («Исследования букв „Тодо галик“») Т. Теробату пишет об этом знаке следующее: «*wisarga geqci-ni xamug-un segül-un türültetü abiy-a gesen uxa-a tai .. ene-ni egesiq abay-a-yi dagaldun egeskü nige züyil-un šürgükü abiy-a mün gen-e .. tegün-i latin haliq-yiar h gejü temdegledeq*» Висарга — это последний тональный звук. Это тип вибрирующего (трущегося) тона, который сопровождает гласные звуки. Его в латинской транслитерации отмечают как *h*» [Теробату 2014: 22].

А. А. Бобровников в свое время в «Грамматике монгольско-калмыцкого языка» писал об этом знаке так: «Буква *х*, выражаемая значком 8, называемом *висарга*, произносится как легкое придыхание (лат. *h*)» [Бобровников 1849: 383]. Таким образом, данный знак в имени *Аюка* передает звук, характерный для санскритского произношения. Последний слог имени является галиком, передающим санскритский слог *še*. Таким образом, имя читается как *Аюше*. Почему же в таком случае калмыцкого хана в исторических источниках называют Аюкой? Дело в том, что специальный галик, передающий санскритское *še* читается как тибетское *kha*, санскритское имя *Аюше* идентично тибетскому *Аюка*. Об этом свидетельствует колофон сочинения «Разъяснение тантристских букв в многочисленных сочинениях», переведенного Зая-пандитой, где указывается санскритское имя заказчика перевода — Аюши [Теробату 2014: 155], совпадающее с написанием имени калмыцкого хана *ā yuḥ še*, а рядом дается его тибетская транскрипция: *a yu kha* (фото 3).

Вероятно, в официальных письмах употреблялось его санскритское имя Аюше (Аюш), а в жизни использовалось тибетское Аюка. В нескольких письмах он назы-

вает себя Аюкой, и имя пишется калмыцкими буквами без галиков: *ayouke*, *ayouki* и *ayouka* (фото 4). Здесь следует отметить, что конечная гласная буква в вариантах имени пишется без знака долготы, и это означает, что в устной форме имя должно произноситься как Аюк [айуук], с неясной гласной после согласного звука к. Однако русские документы донесли это имя нам как Аюка, соответствующее письменному варианту.

Так, в переводе одного из писем читаем: «1722 г. февраля в 9 день явился в Астрахани в губернской канцелярии от калмыцкого хана Аюки посланец калмычанин денщик и подал лист калмыцкого письма, в котором попереводу написано...» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 10. Л. 45].

Калмыцкие летописцы XIX в. также называют его Аюкой (от Аюка, а не от Аюк), как и в русских документах. В качестве примера приведем известное изречение хана, которое донес до нас летописец Эмч Габанг Шарап: *ayoukā xāni zarliq nada adali kümün burxani šaḡi ebdekü teyimi sanān törökünē nomiyin sakousun zürekei mini ötör suḡul giḡi zalbardaq* «Слова Аюки хана: «Люди, подобные мне, в своих молитвах произносят такие слова: «Если у меня появится мысль навредить религии Будды, то, Защитники Учения, тотчас вырвите мое сердце»» [Габанг Шарап 1967: 82].

Таким образом, возвращаясь к происхождению имени *Аюка*, можно сделать вывод, что оно имеет не тюркское, а санскритское происхождение и означает имя божества долголетия Аюши (Амитаюса, Амитабхи). Оно также не является результатом неправильного прочтения русских переводчиков, как это утверждает Википедия¹.

¹ См.: Аюка [электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аюка> (дата обращения: 09.06.2021).

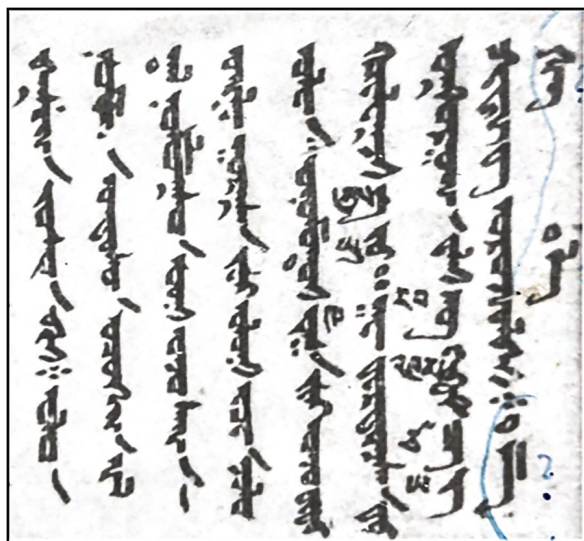


Фото 3. Колофон сочинения «Разъяснения тантристских букв в многочисленных сочинениях»
[Photo 3. Colophon to *The Explanation of Tantric Characters across Multiple Writings*]

О титуле хан в письмах Аюки-хана

В эпистолярной калмыцкой ханской традиции наблюдается интересный факт, когда титул хан имеет различное написание в зависимости от того, кому он принадлежит. О различном графическом написании титула в письмах Аюки-хана в свое время нами была

написана статья [Гедеева 2001]. Поскольку опубликована она была давно, позволю себе напомнить еще раз об этом интересном языковом факте. Дело в том, что в вертикальном письме калмыков *тодо бичиг* встречаются два вида написания титула хан: с долгой гласной (*xān*) и с краткой гласной (*xan*),



Фото 4. Варианты имени Аюка без букв алфавита Али-гали
[Photo 4. Graphic variants of Khan Ayuka's name without Galik characters]

что отражает различие в их значениях. Слово *xān* (соответствует старописм. монг. *xagan*) означает 'великий хан, монарх', а *xan* — 'малый хан, удельный князь'.

В письмах, адресованных российской администрации и самому императору, Аюка называет себя *ā yuḥ še xān*, а Петра I — *yeke saγān xan*. То есть себя, в отличие от Петра I, он относит к категории великих монгольских ханов, которые древнее и знатнее русских царей. Примечательно, что при этом приветственная фраза в его письмах к императору соответствует дипломатическо-

му этикету и в них нет никаких намеков на его превосходство.

Монголовед Д. Кара в 1974 г., исследуя письма Джунгарского хана Галдан Бошогту 1691 г., в котором он обращается за помощью к русскому царю в борьбе с монгольским ханом Очрт, обратил внимание на то, что Галдан хан называет себя и монгольского хана хаганом, а русского царя — ханом. Ученый делает вывод, что данный факт является выражением превосходства ойратского хана над русским царем [Кара 1974: 113].

Такое же обращение монгольского Алтын-хана к русскому царю Алексею Михайловичу зафиксировано в письме 1665 г. Н. П. Шастина в своей статье об этом письме комментирует этот факт так: «Московского царя Лубсан-тайчжи называет „белый хан“, а себя величает „Алтан хаган“. Сопоставление этих двух терминов „хан“ и „хаган“ не случайно. Лубсан хочет показать, что он выше, знатнее, т. е. „хаган“ более почетный титул, чем «хан» [Шастина 1949: 391].

Такое отношение можно объяснить тем, что монголы и ойраты в своих летописях свои родословные вели от индийских и тибетских царей. А также они относили себя к потомкам великого полководца Чингис хана [Балданжапов 1970: 90].

Выводы

Исследование показало, что калмыцкие антропонимы XVII–XVIII вв. являются ценным лингвистическим источником, свидетельствующим о влиянии письменных культур Индии и Тибета на письменность калмыков. В заимствованных именах отразилась буддийская культура, которая в свое время была принята калмыками и вошла в их жизнь настолько органично, что в насто-

ящее время она воспринимается как своя национальная. Графо-фонетический анализ имени Аюки-хана показал, что имя имеет санскритское происхождение и пишется как Аюше и для его обозначения на калмыцком письме использовались буквы алфавита Али-Гали. В жизни имя произносилось как Аюка, что подтверждается письмами, текстами русских переводчиков и историческими летописями. В этом звучании имя дошло и до наших дней. Встречающееся иногда написание имени не галиками, а калмыцкими буквами наталкивает на мысль, что имя в калмыцкой речи произносилось как Аюк, а вариант Аюка в русских документах соответствуют письменной версии.

Употребление в ханских письмах названия титула хан в различных значениях свидетельствует о соответствующем восприятии калмыков себя в историческом пространстве. Несмотря на свою малочисленность, калмыцкий народ, находясь вдали от исторической родины, своих соплеменников, духовных учителей, в окружении народов, чуждых им по языку и религии, помнили о своей причастности к общемонгольской истории и ее духовной культуре.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- Бадмаев 1971 — Бадмаев А. В. Практический самоучитель старокалмыцкой письменности. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. 108 с.
- Бакунин 1995 — Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торговца, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 151 с.
- Балданжапов 1970 — Балданжапов П. Б. Altan Tobči. Монгольская летопись XVIII в. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 415 с.
- Бардаев 1983 — Бардаев Э. Ч. Заимствованная лексика в калмыцком языке // Монголо-ведные исследования. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 37–53.
- Батмаев 1993 — Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. В 2 кн. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.
- Батыров 2004 — Батыров В. В. Антропонимы калмыцких нойонов в XIX в. // Ономастика Поволжья: мат-лы IX междунар. конф. по ономастике Поволжья (г. Волгоград, 9–12

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

- сентября 2002 г.) / отв. ред.: Р. Ш. Джарылгасинова, В. И. Супрун. М.: Институт этнологии и антропологии, 2004. С. 115–119.
- Бобровников 1849 — Бобровников А. А. Грамматика монголо-калмыцкого языка. Казань: Университетская тип., 1849. 383 с.
- Габанг Шараб 1967 — Габанг Шараб. dörbön oyiradiyin töüke // Biography of Caya Pandita in oirat characters. Corpus scriptorium mongolorum. Instituti linguae et litteraturae Academiae scientiarum Republicae Populi Mongoloci. T. 5. Ulanbator: ШУАХ, 1967. X. 74–98.
- Гедеева 2001 — Гедеева Д. Б. О письмах калмыцкого хана Аюки // Российское монголоведение. Бюллетень V. М.: ИВ РАН, 2001. С. 208–213.
- Кара 1972 — Кара Д. Книги монгольских кочевников: семь веков монгольской письменности. М.: ГРВЛ, Наука, 1972. 229 с.
- Кара 1974 — Кара Д. Поправки к чтению ойратских грамот 1691 г. // Исследования по восточной филологии. М.: Наука, 1974. С. 111–118.

- Митиров 1998 — Митиров А. Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 383 с.
- Монраев 2012 — Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика). Изд. 3-е, перераб. и доп. Элиста: ИД «Герел», 2012. 255 с.
- Монраев 1984 — Монраев М. У. Калмыцкие личные имена: [словарь-справочник]. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. 96 с.
- Номинханов 1967 — Номинханов Ц.-Д. Тибетские и санскритские лексические элементы в калмыцком языке // Ученые записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 5. Серия филологическая. Элиста: КНИИЯЛИ, 1967. С. 155–160.
- Номинханов 1975 — Номинханов Ц.-Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: ГРВЛ, Наука, 1975. 324 с.
- Омакаева 2008 — Омакаева Э. У. Триада «язык – культура – этнос» сквозь призму антропонимии: калмыцкие личные имена в контексте буддийской культуры // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 2. 2008. С. 62–67.
- Павла 1979 — Павла Д. Тодо бичиг. Хальмг хуучн бичмр келн («Ясное письмо». Старописьменный калмыцкий язык). Элст: Хальмг дэгтр харнач, 1979. 239 х.
- Поляев 1980 — Поляев В. О. Тибетские и санскритские лексические элементы в языке эпоса «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов: мат-лы Всесоюз. науч. конф. (г. Элиста, 17–19 мая 1978 г.). М.: Наука, 1980. С. 344–346.
- Сельвина 1983 — Сельвина Р. Л. Отражение древней числовой символики в калмыцкой антропонимике // Ономастика Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 73–84.
- Содмон 1999 — Содмон Намжавин. Солынһы. Элст: Хальмыг дэгтер харнач, 1999. 142 с.
- Тепкеев 2018 — Тепкеев В. Т. Аюка хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.
- Шантаев 2010 — Шантаев Б. А. Некоторые особенности соотношения калмыцких этнонимов и антропонимов // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2010. № 2 (21). С. 162–163.
- Шастина 1949 — Шастина Н. П. Алтын-ханы в Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. VI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 383–395.
- Ярмаркина 2020 — Ярмаркина Г. М. Антропонимы в письмах хана Аюки и их русских переводах: предварительный анализ // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 3. С. 497–508. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-3-497-508
- Бямбажав 2019 — Хөхийн Бямбажав. Тод үсгийн сурах бичиг (= Учебник по «Тодо үзүг»). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2019. 128 х.
- Төрөбату 2014 — Тариягчийн Төрөбату. тодо галиг үзүг-үн судул (Исследование букв тодо-галик). Хухэ-Хото: Öbör mongyol-un arad-un keblel-ün хуриге. (= Государственный Издательский дом Внутренней Монголии), 2014. 159 с.

References

- Badmaev A. V. Old Written Kalmyk (Clear Script): A Self-Instruction Guide. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1971. 108 p. (In Russ.)
- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords (1761). Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 151 p. (In Russ.)
- Baldanzhapov P. B. Altan Tobči: An 18th Century Mongolian Chronicle. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1970. 415 p. (In Russ.)
- Bardaev E. Ch. Loanwords in Kalmyk. In: Mongolian Studies. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1983. Pp. 37–53. (In Russ.)
- Batmaev M. M. The Kalmyks, 17th–18th Centuries: Events, Personalities, Household Life. In 2 vols. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)
- Batyrov V. V. Anthroponyms of Kalmyk landlords, 19th c. In: Dzhyrylgasynova R. Sh., Suprun V. I. (eds.) Onomastics of the Volga Region. Conference proceedings (Volgograd; September 9–12, 2002). Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2004. Pp. 115–119. (In Russ.)
- Bobrovnikov A. Grammar of Kalmyk Mongolian. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. 383 p. (In Russ.)
- Byambajav Kh. A Coursebook in Clear Script. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2019. 128 p. (In Mong.)
- Gabang Sharab. Dörbön Oyiradiyin Töüke: A History of the Four Oirats. In: Biography of Caya Pandita in Oirat Characters. Ser. 'Corpus Scriptorium Mongolorum'. Vol. 5. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1967. Pp. 74–98. (In Mong.)

- Gedeeva D. B. About letters of Kalmyk Khan Ayuka. In: *Mongolian Studies in Russia. Bulletin V*. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2001. Pp. 208–213. (In Russ.)
- Kara D. Books of Mongolian Nomads: The Seven Centuries of Mongolian Script. Moscow: Nauka — GRVL, 1972. 229 p. (In Russ.)
- Kara D. Oirat documents of 1691: Clarifying notes. In: *Studies in Oriental Linguistics*. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 111–118. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Oirats-Kalmyks: Centuries and Generations. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 383 p. (In Russ.)
- Monraev M. U. Kalmyk Personal Names: A Reference Book. Elista: Kalmykia Book Publ., 1984. 96 p. (In Russ.)
- Monraev M. U. Kalmyk Personal Names: Semantics. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Gerel, 2012. 255 p. (In Russ.)
- Nominkhanov Ts.-D. Exploring the History of Kalmyk. Collected materials. Moscow: Nauka — GRVL, 1975. 324 p. (In Russ.)
- Nominkhanov Ts.-D. Tibetan and Sanskrit lexical elements in Kalmyk. In: *Scholarly Notes of the Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History*. Vol. 5. Ser. 'Philology'. Elista, 1967. Pp. 155–160. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. Language, culture and ethnos through the prism of anthroponymics: Kalmyk personal names in the context of Buddhist culture. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2008. No. 2. Pp. 62–67. (In Russ.)
- Pavla (Pavlov) D. Todo Bichiq (Clear Script): Old Written Kalmyk. Elista: Kalmykia Book Publ., 1979. 239 p. (In Kalm.)
- Polyaev V. O. Language of the Jangar: Tibetan and Sanskrit lexical elements. In: *Jangar and Epic Traditions of Turko-Mongols. Conference proceedings* (Elista; May 17–19, 1978). Moscow: Nauka, 1980. Pp. 344–346. (In Russ.)
- Selvina R. L. Ancient number symbolism in Kalmyk anthroponymics. In: *Onomastics of Kalmykia*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1983. Pp. 73–84. (In Russ.)
- Shantaev B. A. Kalmyk ethnonyms and anthroponyms: Some peculiarities of correlation revisited. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy*. 2010. No. 2 (21). Pp. 162–163. (In Russ.)
- Shastina N. P. Altyn Khans in Western Mongolia, 17th c. In: *Oriental Studies in the USSR*. Vol. VI. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1949. Pp. 383–395. (In Russ.)
- Sodmon N. The Rainbow. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 142 p. (In Kalm.)
- Tepkeev V. T. Khan Ayuka and His Era. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 366 p. (In Russ.)
- Töröbatu T. Exploring Galik Characters in Clear Script. Hohhot: Inner Mongolia People's Publ. House, 2014. 159 p. (In Mong.)
- Yarmarkina G. M. Letters of Khan Ayuka and their Russian translations: Anthroponyms revisited. Preliminary analysis. *Mongolian Studies*. 2020. Vol. 12. No. 3. Pp. 497–508. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-3-497-508

